Колокольный омут

Бом-бом! — раздается звон из колокольного омута реки Оденсе. «Это что за река?» Ее знает любой ребенок в городе Оденсе; она огибает сады и пробегает под деревянными мостами, стремясь из шлюзов к водяной мельнице. В реке плавают желтые кувшинки, колышутся темно-коричневые султанчики тростника и высокая бархатная осока. Старые, дуплистые, кривобокие, скорчившиеся ивы, растущие возле монастырского болота и луга белильщика, нависают над водою. По другому берегу тянутся сады. И все они разные. В одних растут чудесные цветы, красуются чистенькие, словно игрушечные, беседки, в других виднеется одна капуста, а иных так и самих не видно: густые, раскидистые кусты бузины теснятся к самой реке, которая местами так глубока, что веслом и не достать до дна. Самое глубокое место — против Девичьего монастыря; зовется оно колокольным омутом, и в бездне этой живет водяной. Весь день, пока солнечные лучи проникают в воду, он спит, а ночью, при свете месяца и звезд, всплывает на поверхность. Он очень стар. Еще бабушка моя слышала от своей бабушки, что он живет один-одинешенек и нет у него другого собеседника, кроме огромного старого церковного колокола. Когда-то колокол этот висел на колокольне церкви Санкт-Альбани; теперь ни от колокольни, ни от церкви не осталось и следа.

Бом-бом-бом! — звонил колокол, когда еще висел на колокольне, и раз вечером, на закате солнца, раскачался хорошенько, сорвался и полетел… Блестящая медь так и засверкала пурпуром в лучах заходящего солнца.

«Бом-бом! Иду спать!» — зазвонил колокол и полетел прямо в реку Оденсе, в самое глубокое место, которое и прозвали с тех пор колокольным омутом. Но не удалось колоколу уснуть, успокоиться: он звонит в жилище водяного так, что слышно иной раз и на берегу. Люди говорят, что звон его предвещает чью-нибудь смерть, но это неправда. Колокол звонит, беседуя с водяным, и тот теперь уже не так одинок, как прежде.

О чем звонит колокол? Колокол очень стар; говорят, что он звонил на колокольне еще раньше, чем родилась бабушкина бабушка, и все-таки он ребенок в сравнении с самим водяным, диковинным стариком, в штанах из угриной кожи и чешуйчатой куртке с желтыми кувшинками вместо пуговиц, в волосах у него тростник, борода покрыта зеленою тиной, а это не слишком красиво!

Чтобы пересказать все, о чем звонит колокол, понадобились бы целые годы. Он звонит о том, о сем, повторяет одно и то же не раз и не два, иногда пространно, иногда вкратце — как ему вздумается. Он звонит о старых, мрачных, суровых временах…

«На колокольню церкви Санкт-Альбани взбирался монах, молодой, красивый, но задумчивый, задумчивее всех… Он смотрел в слуховое оконце на реку Оденсе, русло которой было тогда куда шире, на болото, бывшее тогда озерцом, и на зеленый Монастырский холм. Там возвышался Девичий монастырь; в келье одной монахини светился огонек… Он знавал ее когда-то!.. И сердце его билось сильнее при воспоминании о ней!.. Бом-бом!»

Так вот о чем звонит колокол.

«Подымался на колокольню и слабоумный послушник настоятеля. Я мог бы разбить ему лоб своим тяжелым медным краем: он садился как раз подо мною, да еще в то время, когда я раскачивался и звонил. Бедняк колотил двумя палочками по полу, словно играл на цитре, и пел: «Теперь я могу петь громко о том, о чем не смею и шептать, петь обо всем, что скрыто за тридевятью замками!.. Холодно, сыро!.. Крысы пожирают их заживо!.. Никто не знает о том, никто не слышит — даже теперь, — колокол гудит: бом-бом!»

«Жил-был король, звали его Кнудом. Он низко кланялся и епископам и монахам, но, когда стал теснить ютландцев тяжелыми поборами, они взялись за оружие и прогнали его, как дикого зверя. Он укрылся в церкви, запер ворота и двери. Разъяренная толпа обложила церковь; я слышал ее рев; вороны и галки совсем перепугались и в смятении то взлетали на колокольню, то улетали прочь, таращились на толпу, заглядывали в окна церкви и громко вопили о том, что видели. Король Кнуд лежал распростертый перед алтарем и молился; братья его, Эрик и Бенедикт, стояли возле него с обнаженными мечами, готовясь защищать короля; но вероломный слуга Блаке предал своего господина.

Толпа узнала, где находится король, и в окно был пущен камень, убивший его на месте… То-то ревела и выла дикая толпа, птицы кричали, а я гудел, а я пел: бом-бом-бом!»

Церковный колокол висит высоко, видит далеко! Его навещают птицы, и он понимает их язык! Посещает его и ветер, врываясь в слуховые окна, во все отверстия и щели, а ветер знает обо всем от воздуха, — воздух же есть всюду, где есть жизнь, проникает даже в легкие человека и воспринимает каждый звук, каждое слово, каждый вздох!.. Воздух знает обо всем, ветер рассказывает, колокол внимает ему и звонит на весь мир: бом-бом-бом!..

«Но уж слишком много приходилось мне слушать и узнавать, сил не хватало звонить обо всем! Я устал, отяжелел, и балка обломилась, а я полетел по сияющему воздуху прямо в глубину реки, где живет водяной! Он одинок, и вот я рассказываю ему из года в год о том, что слышал и видел: бом-бом-бом!»

Так вот какой звон раздается из колокольного омута реки Оденсе, — я слышал об этом от бабушки.

А школьный учитель наш говорит: «Какой там может звонить колокол? Никакого там нет колокола! Нет а водяного — водяных совсем нет!» Когда же слышится веселый звон церковных колоколов, он говорит, что это звучат, собственно, не колокола, а воздух; воздух производит звук.

То же ведь говорила и бабушка со слов церковного колокола; в этом учитель сошелся с нею, значит, это так и есть.

«Гляди в оба и на себя оглядывайся!» — говорят и бабушка и учитель.

Да, воздух знает обо всем! Он и вокруг нас и в нас, он оглашает все наши мысли, все наши деяния и будет разносить их куда дольше, чем колокол, что лежит в глуби реки у водяного. Воздух разглашает все в небесной глуби, и звуки уносятся выше, дальше, бесконечно далеко, пока не дойдут до небесных колоколов и те, в свою очередь, не зазвонят: бом-бом-бом!